

Глава 3

Май 1940

ИНЕС

В подземельях поместья Шово было темно и сыро. Кирпичные стены с арочными сводами, врезанные в мягкий мел и известняк, впитывали влагу с тех самых пор, как прадед Мишеля начал строить их семь десятилетий назад, и создавали идеальный микроклимат для дремлющих в нем, дозревая до подлинного великолепия, бутылок с шампанским.

Историю поместья Мишель поведал Инес полтора года назад, когда только начал за ней ухаживать. Шово были *vignerons*, виноградарями с шестнадцатого века, но только в начале 1800-х годов предки Мишеля стали подумывать о том, чтобы производить собственное вино. Крупные винодельни в соседних Реймсе и Эперне и в коммуне Аи делали на шампанском целые состояния, а сами виноградары жили в бедности, как соседские крестьяне.

В 1839 году прапрадед Мишеля женился на дочери текстильного магната, и у него наконец-то

появились деньги на покупку оборудования и расходных материалов. Но дело продвигалось медленно и почти застыло, когда эксцентричным прадедом Мишеля овладела идея проложить под поместьем сеть погребов-туннелей, способную соперничать с крайерами — меловыми подземельями великих домов Реймса. Туннели, которые он строил начиная с 1870-х годов, образовали такую извилистую и сложную сеть, что в первую свою неделю в «Мезон-Шово» Инес там заблудилась и провела под землей несколько ужасных часов. Когда Мишель нашел ее, уже совсем стемнело.

— Погреб тянется на много километров, и в них легко заблудиться, — сказал он всхлипывающей Инес, выводя ее на вечерний воздух. — Не волнуйся, дорогая. Ты всему научишься.

Сам Мишель, конечно, знал все хитросплетения этого лабиринта назубок. Мальчиком он играл в извилистых коридорах в прятки, вырезал свое имя на меловых участках стен рядом с именами предков, а во время Великой войны вместе со старшими находил под землей убежище от рвавшихся наверху снарядов.

А Инес и через год после того жуткого случая чувствовала себя неуютно в темных безмолвных подземельях, где, словно тихие маленькие гробики, лежали, тесно прижатые друг к другу, бутылки с созревающим вином. Она так и не привыкла к холоду, царящему тут независимо от времени года, а завывание ветра, которое иногда слышалось у главного входа, наводило на мысли о призраках и волках из сказок.

Сказка, как же. Инес остановилась потереть плечи — в них пульсировала боль. В ноябре 1938 года, когда они познакомились с Мишелем, обоим казалось, что они идеально подходят друг другу: он был очарован ее юностью и оптимизмом, она восхищалась его основательностью, рассудительностью и тем, что он делает шампанское, известное всей Франции. Прямо сказочные принц и принцесса. Кто бы мог подумать, что всего через семнадцать месяцев ей придется надеть рабочие сапоги и перетаскивать двадцатикилограммовые ящики с бутылками в тайник для самых ценных вин, который оборудовали во время Великой войны родители Мишеля?

Замаскирован тайник был великолепно. В сентябре, вскоре после того, как Франция объявила войну гитлеровской Германии, Мишель показал это место Инес, и у нее прямо-таки челюсть отвисла: сама бы она ни за что не догадалась, что за сплошной стеной скрыто огромное подземное помещение. Потайная дверь поворачивалась на петлях, спрятанных между кирпичами, и, когда она была закрыта, кладка выглядела так, как будто никто ее не трогал десятки лет, с самого момента постройки. Как и старинная с виду статуя Мадонны перед дверью — на самом деле изготовленная по специальному заказу и легко отодвигавшаяся. Инес сама двигала статую с утра и теперь в одиночку таскала ящики по холодным коридорам.

Руки и спина разболелись, вокруг не было ни души, и Инес вдруг охватили тяжелые предчувствия. Как-то бурной январской ночью, когда они лежали вместе в постели, а ветер за окнами хлестал виног-

радные лозы, Мишель вдруг сказал, что 1940 год будет для Шампани ужасным, — виноград не уродится, и страшная тень падет на весь регион. Тогда Инес решила, что он просто пессимист, но теперь, когда немцы перешли французскую границу, ей думалось, что он, как всегда, оказался прав. Она очень уважала интеллект Мишеля, но порой безошибочность его выводов буквально душила ее, не оставляя места для собственных мыслей и мнений.

Со стороны главного входа — узкой каменной лестницы, которая начиналась от деревянной двери, врезанной в каменную стену позади дома, где жили Мишель и Инес, — послышался женский голос.

— Инес? Ты здесь? — Инес на мгновение закрыла глаза. Это была Селин, жена *chef de cave* Тео Лорана. — Мишель сказал, что тебе может понадобиться помощь.

— Да, я здесь! — как можно дружелюбнее крикнула в ответ Инес и принялась чесать левую руку. Это была детская привычка, от которой мать пыталась ее отучить: чесаться некультурно и неженственно, а красные следы от ногтей выглядят просто неприлично. Но Инес все равно не могла удержаться, когда сильно нервничала. — Возвращаюсь в погреб, где у нас двадцать восьмой год остался.

— *C'est bon!* Пошла туда же. — Послышались удаляющиеся тяжелые шаги: Селин забросила свои туфли еще осенью, когда мужчин Марны призвали в армию, и теперь почти постоянно ходила в рабочих сапогах. Рядом с ней, сильной и уверенной, Инес

¹ Отлично (*фр.*).

чувствовала себя неопытной маленькой девочкой, хотя была младше всего на год.

Инес старалась как могла, но, не имея сноровки Селин, то и дело попадала впросак. У нее не было ни дегустаторских способностей, хоть она и пыталась развить свой вкус, ни навыков розлива купажированных вин, ни точности движений и твердости руки, необходимых при обращении с бутылками. Она подозревала, что другие считают ее просто-напросто ленивой, а дело было в нерешительности и неуверенности. Каждый раз, разбив бутылку, Инес теряла толику уверенности и ощущала себя еще более ничемной.

Ирония судьбы, но совсем недавно Мишель сам не хотел, чтобы она работала. Предлагая ей руку и сердце полтора года назад, он сказал, что станет о ней заботиться, а ей ничего не придется делать.

— Но пойми, — пыталась объяснить Инес, — я буду рада помогать.

— Теперь заботиться о тебе — мой долг, — ответил Мишель, нежно обхватив ладонью ее подбородок и глядя ей в глаза. — Тебе не нужно работать.

— Но...

Мишель не дал ей договорить:

— Пожалуйста, дорогая, позволь мне сделать так. Мой отец никогда не просил мать участвовать в производстве шампанского, и я точно так же не хочу просить тебя. Ты будешь хозяйкой дома.

Но в сентябре была объявлена война, работников призвали на фронт и настроение Мишеля стало постепенно меняться. Сначала он, бормоча извинения, поручал Инес разные мелочи, на что она всякий раз

давала понять, что все в порядке, она готова помочь. По мере того как осень сменялась зимой, нехватка работников сказывалась все сильнее, и Мишель все чаще умолял жену взять на себя очередные обязанности. Инес старалась изо всех сил, но многого не умела, а чтобы научиться, требовалось время. И чем дальше, тем отчетливее чувствовала растущее разочарование мужа.

Из-за угла показалась Селин, и Инес изобразила улыбку. Даже в линялых брюках и заляпанных грязью сапогах Селин выглядела великолепно. Глупо, но Инес это почему-то раздражало. Присмотревшись, она заметила, несмотря на темноту, что глаза у Селин покраснели.

— С вами все в порядке? — спросила Инес.

Селин поспешно наклонила голову, спрятав лицо за занавесой длинных каштановых волос.

— Да, просто замечательно.

— Вы плакали. — Инес знала, что это звучит бес тактно, но ведь нечестно делать вид, что все в порядке, когда мир буквально рушится. За год, что Инес была замужем за Мишелем, женщины так и не подружилась, хотя Инес и пыталась. С лица Селин, спокойной и серьезной, не сходило хмурое выражение, а Инес во всем искала светлую сторону. Через месяц после переезда в «Мезон-Шово» она услышала, как Селин шепнула Тео, до чего ее допекает вечная и безосновательная жизнерадостность Инес. После этого по крайней мере стало понятно, почему Селин кидает на нее такие сердитые взгляды.

Селин прерывисто вздохнула:

— Да, да, Инес, я беспокоюсь о своих родных.

— О, — Инес растерялась. — Но, мне кажется, с ними все обойдется. Я уверена, что немцы не тронут мирных жителей.

Из горла Селин вырвался странный звук, не то смех, не то рыдание.

— Инес, неужели вы забыли, что они евреи?

— Да, да, конечно. — Честно говоря, Инес об этом не слишком задумывалась. Несколько раз за последние месяцы тема всплывала в разговорах, когда приходили новости об облавах на евреев в Германии, но не более того. Инес знала, что отец Селин — из еврейской семьи, мать, умершая два года назад, — католичка, а религиозным воспитанием дочери они особо не занимались. — Но не надо так тревожиться. В конце концов, это Франция.

Селин долго молчала, но, когда Инес уже решила, что ответа не будет, сказала:

— Вы правда думаете, что под властью немцев это будет хоть что-то значить?

Ну зачем смотреть на все как на конец света? Инес закусила губу, потом уверенно произнесла:

— До сих пор в новостях еще не было ни слова о том, что здесь что-то происходит с евреями. Увидите, все обойдется.

— Верно, — коротко ответила Селин и отвернулась.

Инес посмотрела, как она нагибается, поднимает с пола ящик шампанского 1928 года и, тяжело ступая, уходит с ним по коридору в сторону тайника, взяла свой ящик и поспешила за ней. Мышцы жгло от непривычной нагрузки.

— Вы ведь из-под Дижона?

— Да, из Ньюи-Сен-Жоржа, это совсем рядом, почти строго на юг.

— Значит, ваши отец и его родители дальше от немцев, чем мы. — Инес помнила, что Дижон примерно на триста километров южнее Шампани. — И, может быть, они уже движутся на юг. — Мишель недавно рассказывал, что тысячи беженцев запрудили дороги, спасаясь от приближающихся немцев.

— Нет. — Селин, не глядя на Инес, поставила ящик на каменный пол тайника. — Отец управляет винодельней, а почти всех работников услали на фронт, и он понял, что не может бросить хозяина, который всегда очень хорошо к нему относился. Дед с бабкой решили остаться с ним.

— Наверняка все обойдется.

— Наверняка обойдется, — повторила Селин, но в ее интонации слышались горечь и страх, поэтому Инес замолчала и вернулась к бутылкам.

Она и сама беспокоилась бы о своих родственниках, если бы не осиротела в шестнадцать лет: отец умер от инсульта, а спустя два месяца от сердечного приступа скончалась мать. Ни братьев и сестер, ни другой родни у Инес не было; она оказалась совершенно одна. К счастью, девочку взяла к себе семья ее закадычной подруги Эдит, и она вновь обрела дом, а в начале 1938 года покинула родной Лилль, где больше ничто ее не держало, и последовала за Эдит в Шампань.

Эдит тогда влюбилась в молодого ресторатора по имени Эдуар Тьерри, который унаследовал семейную брассери в Реймсе. Инес, опечаленная неизбежным, как ей казалось, расставанием с Эдит, негодовала на

Эдуара, но Эдуар после скромной свадебной церемонии под барочным куполом церкви Сент-Мари-Мадлен в Старом Лилле, когда она вытирала слезы, предложил ей переехать и поселиться вместе с ним и Эдит в его большой квартире, расположенной прямо над ресторанным залом. *Вы, — торжественно произнес он, — ее лучшая подруга. Конечно, оставайтесь с нами сколько пожелаете.*

Инес была поражена и тронута до глубины души. Поначалу ей не верилось, что Эдуар действительно хочет видеть ее в своем доме, но он показал себя исключительно радушным хозяином, старался со всеми перезнакомить, а иногда даже спрашивал ее мнения о политике. Время от времени Инес помогала Эдуару за стойкой, так что у нее появился и небольшой заработок. А когда холодным осенним вечером 1938 года Эдуар пригласил отобедать у них своего давнего друга Мишеля Шово, объявив, что он *очень* подходящий холостяк, Инес показалось, это судьба.

— Ой, Мишель такой красавец! — воскликнула, хлопая в ладоши, Эдит, когда Эдуар пошел проводить гостя и женщины остались вдвоем. — Правда, Инес?

Инес улыбнулась, ее сердце все еще трепетало:

— Ты заметила, какие у него глаза?

Глаза у Мишеля были пронзительно-синие, такие, что видят тебя насквозь. Он был высокий, плотный, светловолосый, с резкими чертами лица; чуть старомодный костюм сидел на нем великолепно.

— Глаза? — Эдит рассмеялась. — Я, дорогая моя подруга, заметила только одно: что весь вечер эти глаза смотрели только на тебя. Да и как он мог устоять?

Ты же красавица! — Эдит обладала даром вселять оптимизм. Когда подруге бывало плохо, она всегда находила способ поднять настроение. — И он владелец «Мезон-Шово», представляешь? — При этих словах Эдит многозначительно подняла брови.

— А держался так скромно, — сказала Инес. Мишель принес с собой три бутылки шампанского во льду из винограда трех разных сортов с собственных виноградников, но деликатно отклонял все вопросы Инес о его винодельческой империи и всякий раз переводил разговор на нее саму. Расспрашивал ее о жизни в Лилле, о дружбе с Эдит, интересовался, успела ли она уже попутешествовать по Шампани.

Позже подруги пришли к выводу, что Мишель таким способом просил Инес о свидании. Он, как и Эдуар, был на несколько лет старше Эдит и Инес и тоже намного серьезнее. Инес объясняла это тем, что обоим мужчинам пришлось рано, в возрасте чуть за двадцать, принять семейное дело, а с ним — ответственность, размер которой она с трудом могла представить.

— Я пока ни разу не выезжала из Реймса, — ответила она Мишелю, — и с удовольствием взглянула бы на окрестности.

— Правда? — Мишель улыбнулся, и внутри у Инес все затрепетало. На следующей неделе он позвонил, а к весне они были помолвлены и в начале мая поженились. Причин медлить не было: у Мишеля, как и у Инес, не оставалось в живых никого из близких родственников.

Дальнейшая жизнь рисовалась Инес лучезарной. Она — молодая жена владельца престижного дома

шампанских вин! Ей предстоит жить среди холмов, покрытых виноградниками, и каждый вечер пить игристое вино!

Однако действительность оказалась иной. После того как свадьба была сыграна, супруги редко выбирались в Реймс. Живописный пейзаж довольно скоро сделался для Инес обыденным, да и бутылка, которую они регулярно откупоривали к ужину, перестала ощущаться как праздник.

Но хуже всего было то, что, уехав из Реймса, Инес лишилась возможности ежедневно болтать с Эдит или даже участвовать в беседах с Эдуаром. Мишель даже во время своего недолгого ухода за ней не отличался большой разговорчивостью, а сейчас сделался еще серьезнее и еще глубже погрузился в дела. Зачастую их совместные трапезы проходили в полном молчании, потому что Мишель размышлял о производственном графике или отношениях с владельцами виноградников, а обсуждать эти вопросы с Инес категорически не хотел.

Инес надеялась, что они с Мишелем будут ездить в Реймс в гости к друзьям, но, хотя город находился от Виль-Домманжа в каких-нибудь сорока минутах езды на автомобиле, он с таким же успехом мог находиться в другой стране. Большую часть дней Мишель был занят от зари до зари, а отпускать Инес одну на машине не любил. По сути, она оказалась заперта в доме, который не ощущала своим.

Конечно, уже при первом посещении «Мезон-Шово» Инес познакомилась с могучим темноволосям Тео и его женой, элегантной и сильной Селин, но подружиться с ними, как она надеялась, ей не

удалось. Тео, погруженный в работу, мог вообще не показываться неделями, а Селин была такой же серьезной и немногословной, как Мишель. И при попытках Инес поделиться с ней новостями или сплетнями из города еще больше замыкалась.

Теперь, когда на горизонте гроыхала война, Инес особенно остро ощущала свою оторванность от всех. В глубине погребов ей и Селин следовало бы поделиться друг с другом своими страхами перед надвигающимся будущим. Но женщины работали молча: тишину нарушали только их шаги да тихий звук, с которым ящики опускались на новое место.